

Сун Цзячжу задержался в кухне, но Лин Чжи не оборачивался и не поторапливал его.

Чтобы разрушить барьеры между человеком и миром, мало одной лишь мягкой настойчивости — нужно подкреплять её теплом и, что важнее всего, давать время на раздумья.

Эта миссия искупления не была театром одного актёра. Лин Чжи плел свою сеть осознанно: в его действиях не было ни жалости, ни желания похвастаться мастерством.

За спиной слышались шаги. Сун Цзячжу подошёл к обеденному столу, неся пиалу с кашей.

Из-за ограниченного пространства обеденная зона была совсем крохотной: небольшой стол, притиснутый одним краем к стене, а другим — к холодильнику, едва вмещал двоих.

Сун Цзячжу ощутил резкий, пряный аромат — запах малатана, который ел Лин Чжи. Для человека, совершенно не привыкшего к острому, этот дух казался почти невыносимым, раздражая и без того чувствительную слизистую.

Подросток невольно нахмурился, глядя на ярко-алый слой масла в тарелке гостя.

Лин Чжи специально заказал порцию «экстра-остро и экстра-пряно». Прежний владелец тела любил такую еду, но сам он к специям относился спокойно. Сегодняшний выбор был лишь способом оставить в серой жизни Сун Цзячжу ещё один яркий, обжигающий след.

Наблюдая за тем, как сосед медленно зачерпывает кашу ложкой, Лин Чжи не выдержал:

— И ты собираешься есть её просто так?

Сун Цзячжу ответил жестом: «Я добавил сахара».

Шторы в гостиной были раздвинуты. Несмотря на то что день ещё не клонился к вечеру, из-за непогоды небо казалось пепельно-серым, наполняя комнату тусклым, гнетущим светом.

Немой юноша опустил глаза и молча продолжил трапезу. Он напоминал засохшую лиану в пасмурный день или блеклую тень от заиндевевшей ветки. От него веяло холодом и болезненной бледностью; он словно сам воздвиг невидимую стену между собой и остальным миром.

Но прямо напротив него клубился горячий пар, еда источала дерзкий, пронзительный аромат, а алый цвет масла буквально резал глаза своей сочностью. Человек, сидевший рядом, вдруг негромко рассмеялся, глядя в телефон, и этот звук вдребезги разбил тишину, раскрашивая

серые будни новыми красками.

На столе в гостиной стоял ухоженный Цзиньхуансин. Пышная зелень его листьев с ярко-красной каймой выглядела необычайно живой.

Сун Цзячжу хотел было спросить, зачем Лин Чжи пришёл, но вовремя осекся, поняв, что ответ не имеет значения.

Когда пиала опустела наполовину, он вдруг заметил, как гость, взглянув в телефон, резко изменился в лице. Не говоря ни слова, тот поспешно поменял их порции местами.

Хозяин дома замер в замешательстве. Пряный аромат малатана, оказавшегося прямо под носом, подействовал как нашатырь, на мгновение прочистив заложенные пазухи. Он вопросительно взглянул на Лин Чжи, но тот, не обращая на него внимания, уже улыбался в экран смартфона.

— Мама, я не дома, — Лин Чжи, надев Bluetooth-гарнитуру, разговаривал с матерью. Он быстро развернул телефон, показывая обстановку комнаты в подтверждение своих слов. — Я у одноклассника. На улице дождь, так что мы немного затянули с обедом.

Сун Цзячжу не слышал собеседника, но по репликам легко восстановил ход беседы. Стало ясно и то, зачем понадобилась рокировка с едой.

Пробовать чужую, да ещё и такую острую пищу юноша не испытывал ни малейшего желания. Тем более к этой порции уже прикасался Лин Чжи. Он терпеливо ждал, когда гость закончит разговор, бесцельно блуждая взглядом по столу.

— Нет-нет, не только кашу. Она с сахаром, сладкая, — Лин Чжи зачерпнул ложку отвара и с самым серьезным видом продемонстрировал её камере.

Видеозвонок от матери застал его врасплох — этого не было в планах, как и внезапной болезни соседа. Но Лин Чжи умел импровизировать на ходу. Даже если бы мать увидела малатан, она бы не устроила скандал, лишь привычно пожурила бы за вредную еду и посоветовала беречь желудок. Однако Лин Чжи преследовал иную цель.

Разговаривая с матерью, юноша совершенно естественно отправил ложку каши в рот. Мягкий разваренный рис с легким сладковатым привкусом растаял на языке.

— Мам, тебе стоит как-нибудь попробовать, — заметил Лин Чжи. — Вкусно. Главное — выбрать качественный рис.

Он зачерпнул ещё раз и, прикусив край белой фарфоровой ложки, сосредоточенно замер, делая вид, что внимательно слушает ответ.

В тот момент, когда Лин Чжи в первый раз съел его кашу, в голове у Сун Цзячжу словно что-то взорвалось. Он застыл, охваченный смесью негодования и жгучего стыда.

«Как он может вот так запросто есть мою еду? — Сун Цзячжу уставился на него. — Моей же ложкой?!»

Он не сводил взгляда с фарфора во рту соседа. Губы Лин Чжи, сжимавшие ложку, казались необычайно яркими. Только сейчас Сун Цзячжу заметил, что у того были такие губы, уголки которых даже без улыбки были естественно приподняты.

Подросток плотно сжал челюсти, а его темные глаза опасно полыхнули.

— Хорошо, мамочка. Передавай привет папе и берегите себя. Пока-пока.

Юноша машинально помешивал кашу в пиале, прощаясь. Отложив телефон, он шумно выдохнул, демонстрируя облегчение.

— Мама запрещает мне такое есть, — он чуть пожал плечами, объясняя причину своего поступка.

Он вернул малатан себе, но кашу обратно не пододвинул. Посмотрев на хозяина дома, он добавил:

— Сходи наложи себе ещё. С сахаром вполне неплохо.

А затем, с притворным беспокойством коснувшись своих губ, пробормотал:

— Надеюсь, твоя простуда не заразна.

Он просто констатировал факт, но в ушах Сун Цзячжу эти слова прозвучали с двусмысленным, почти интимным подтекстом.

Тот резко отодвинул стул. Скрежет ножек о пол красноречиво выдал его истинное состояние. Сун Цзячжу наполнил новую пиалу, но на этот раз сахар добавлять не стал. Он доел пресную кашу прямо на кухне, с трудом сдерживаясь, чтобы не захлопнуть крышку мультиварки слишком громко.

Обиды немного юноши были беззвучны. Он и сам не замечал, как сильно кипит внутри, — лишь по мелким деталям можно было догадаться о бушующем шторме.

Вымыв посуду, он вернулся к столу и показал жестами:

— В следующий раз не делай так.

Ни врывайся в его дом, ни пои лекарствами, ни вари кашу и уж тем более — не пользуйся его вещами. За то время, что они были связаны этим странным соглашением, Сун Цзячжу сбился со счета, сколько раз повторял эту фразу.

Лин Чжи небрежно бросил:

— Понял.

Что именно он «понял», юноша не уточнил, а Сун Цзячжу не стал переспрашивать.

Хозяин дома ушёл к себе. Пусть он и не мог сегодня пойти в книжный, дел хватало: горы непрочитанной литературы и стопки нерешенных задач ждали своего часа.

Лин Чжи всегда вел себя у него в гостях слишком свободно. Обычно после занятий Сун Цзячжу просто уходил в спальню, не заботясь о том, чем занят гость. Но сегодня сосредоточиться на учебе не получалось. Он раздвинул шторы и долго смотрел на мир сквозь запотевшее стекло. Внимание невольно переключалось на то, что происходило за дверью.

Но там царила тишина.

Он бросил взгляд под кровать, а затем снова отвел его.

Ветер на улице постепенно стих, дождь тоже начал мелко накрапывать. Подросток сверился с часами: судя по всему, к вечеру распогодится окончательно. Видимо, сказывались последствия жара — вода в комнате закончилась, а в горле всё ещё немилосердно першило.

«Я просто выйду налить воды», — убеждал он себя.

Странно: это был его собственный дом, так почему он так колебался?

Когда Сун Цзячжу открыл дверь, он увидел Лин Чжи на диване. Телефон лежал на журнальном столике, а сам юноша сосредоточенно что-то жестикулировал, сверяясь с экраном.

Сун Цзячжу бесшумно прикрыл дверь. Сжимая в руках пустой стакан, он почувствовал, как в голове стало пусто. На самом деле он ни о чём не думал — просто почему-то не хотел нарушать этот момент.

Система 01, исправно докладывающая о каждом движении цели, радостно запела в сознании Хоста.

[01]

[Хост, он наверняка тронут! Я чувствую, как свет надежды озаряет наш путь!]

Он всегда верил в него!

Лин Чжи, не отрываясь от видеоурока, лишь усмехнулся про себя:

«Тронут? Возможно, совсем чуть-чуть»

Он понимал характер Сун Цзячжу. Его заминка в дверях не была вызвана одной лишь благодарностью. Пусть Лин Чжи и сказал, что учит язык жестов только из-за медлительности соседа, тот не был настолько самовлюбленным, чтобы поверить в это до конца.

Скорее, это была попытка избежать неопределенности. Он боялся столкнуться с тем, чего не хотел видеть: будь то насмешка, внезапный гнев Лин Чжи или просьба стать его учителем. Проще было просто не беспокоить его.

Думы юноши были подобны дождю — никогда не угадаешь, из какой тучи они прольются.

Лин Чжи не стал задерживаться. Как только дождь прекратился, он взял зонт и ушёл.

Когда Сун Цзячжу снова вышел из комнаты, гостиная была пуста. Гость забрал даже мусор после обеда. Если бы не пара салфеток в ведре да остатки каши в мультиварке, можно было бы подумать, что его здесь никогда и не было.

Сун Цзячжу посмотрел на диван, вспомнив, что планировал сегодня большую стирку. Но погода явно к этому не располагала.

Снова наступил понедельник. В отличие от вчерашнего ненастья, утро выдалось солнечным. Температура была не слишком высокой, но из-за влажности в воздухе стояла духота, от которой становилось не по себе.

Таков был капризный октябрь в этом городе: резкие перепады от холода к жаре, непостоянство и коварство. К счастью, такая свистопляска длилась не больше недели — прощальный привет уходящей осени.

Классная руководительница строго наказала всем беречься, не прельщаться солнцем и не пить ледяную воду, чтобы не слечь с простудой.

Кулер в классе теперь работал на полную мощность. Из-за переменчивой погоды очередь за кипятком выстраивалась приличная. Некоторые ленились стоять сами и просили друзей.

Хэ Юйцин, собрав стаканы двух подруг, проходила мимо места Лин Чжи и прихватила его чашку.

Тот всполошился:

— Я сам могу...

Он старался не выходить из образа — голос его звучал тихо и неуверенно.

— Да брось, мы же друзья. Мне всё равно по пути, — Хэ Юйцин весело потрясла охапкой стаканов, напоминая оптового торговца.

— Тогда... спасибо. В следующий раз я тоже вам помогу.

Лин Чжи улыбнулся так робко и искренне, что все вокруг безоговорочно в это поверили.

Сун Цзячжу посмотрел на него и снова уткнулся в книгу. Длинные ресницы отбрасывали на лицо юноши мягкие тени.

К обеду небо, ясное с утра, снова затянуло тучами. Собирался дождь, но ни одна капля так и не упала на землю. Из-за угрозы ливня физкультуру на втором уроке отменили, заменив её математикой.

— Достаем вчерашние контрольные, — скомандовал учитель.

Сам он не взял ни своего экземпляра, ни листа с ответами, поэтому просто позаимствовал работу Сун Цзячжу. Тот был гением, чьи способности к точным наукам не вызывали сомнений. Учитель математики считал его тетради эталоном, который ничем не уступал официальным ключам к заданиям.

— Посиди пока с соседом, — вполголоса бросил он отличнику.

Учитель поднялся на кафедру и, постучав мелом по доске, призвал класс к вниманию.

Лин Чжи положил листок с заданиями ровно посередине и придвинул свой стул вплотную к Сун Цзячжу.

В сухом осеннем воздухе Сун Цзячжу отчетливо почувствовал тонкий, сладкий аромат,

исходивший от соседа. Это не был тот сложный букет запахов, который он ощутил в день его опьянения, — сейчас аромат был чистым и нежным, оплетающим его, словно невидимая сеть.

<http://bllate.org/book/15821/1435299>